

Проходя мимо моста Хуэйсянь, они ощутили доносившийся из кафе Синьсинь аромат какао — казалось, он разливался на десять ли вокруг. Их животы синхронно отозвались голодным урчанием.

Оба на мгновение замерли, а затем, указав друг на друга пальцами, расхохотались.

Лу Вэньхао смеялся до слез, а Сун Шаоянь, морщась, потирал живот. Что поделать? В любое время разум напоминал им, что даже в самые горькие годы испытаний нужно уметь играть на пипе, сидя под деревом горечи.

Погода становилась все жарче. Летний зной в Чунцине славился своей невыносимостью, а ведь пик жары был еще впереди.

Лу Вэньхао, едва вернувшись домой после долгой прогулки под палящим солнцем, сразу же увидел на журнальном столике тарелку с арбузом. Словно путник в пустыне, нашедший оазис, он с радостным возгласом бросился к угощению.

Съев два куска подряд и почувствовав, как постепенно отступает летний жар, он вдруг задумался: куда опять подевался Сун Шаоянь?

Последние дни все шло именно так: этот бездельник, привыкший празднично проводить время, странным образом начал уходить рано и возвращаться поздно, став даже занятее его самого. И никто не знал, что у него на уме.

Лу Вэньхао посмотрел на кольцо у себя на руке и отрешенно подумал: неужели... тот нашел себе новую страсть? Подумав об этом, он невольно усмехнулся: сама мысль казалась ему абсурдной.

На диване была разложена сегодняшняя газета. Заголовки, как один, пестрели новостями об отставке начальника управления безопасности Чунцина, а также множеством редакционных статей, в которых единогласно осуждали виновных в запираании дверей бомбоубежища на Шибати.

Лу Вэньхао горько усмехнулся: к чему искать виноватых после того, как случилась беда, если жизни погибших уже не вернуть? Впрочем, возможно, это хоть немного утишит боль тех, кто остался в живых.

Время шло, боль от трагедии постепенно притуплялась, улицы вновь наполнились шумом и суетой, а у реки с поразительной скоростью отстраивались дома на сваях... Город, как и всегда, молчаливо и стойко принимал на свои плечи все потрясения.

Сколько человек погибло тогда в тоннеле — до сих пор оставалось загадкой. Он знал лишь то, что тысячи неостребованных тел были вывезены к реке Янцзы и наспех захоронены на пустыре у пристани Хэйшицзы.

Великие взлеты и падения, вековые слезы и смех — в конце концов, всех их ждал лишь безликий земляной холм.

Пока он предавался печальным раздумьям, вошел Сун Шаоянь.

— Вернулся так рано? — удивился он, увидев Лу Вэньхао.

— Это ты человек важный и занятой, возвращаешься поздно, — с легким раздражением ответил тот. Но, заметив блестящий от пота лоб Сун Шаояня, не удержался и с жалостью протянул ему кусок арбуза.

Сун Шаоянь не взял угощение, а, глядя на него мерцающими темными глазами, с тревогой произнес:

— Вэньхао, я должен тебе кое-что сказать.

Этот непривычно серьезный тон не на шутку испугал Лу Вэньхао.

— Что случилось? — его сердце тревожно забилося. Неужели... он действительно охладел к нему?

— Я вступил в Американскую добровольческую группу, — четко произнес Сун Шаоянь.

— Вот как... — кроме этих слов, прозвучавших инстинктивно, Лу Вэньхао не знал, как реагировать. Он и представить не мог, что Сун Шаоянь, который последние дни метался как пчела, уже строил такие грандиозные планы.

Вечно холодный и отстраненный Сун Шаоянь решил добровольно пойти на войну ради страны и народа — разве это не повод для радости? Но вместо облегчения он почувствовал, как сердце сжалось от страха. Однако, не желая показывать свою тревогу и нежелание отпускать его, он натянуто и громко произнес:

— Вот как? Тогда желаю тебе одержать много побед и поскорее вернуться с триумфом!

Государство и народ — дело великое, а личные чувства — мелочь. Раз уж этот вечно безразличный ко всему человек решил выйти из тени, он должен радоваться, сиять от счастья, хлопать в ладоши, праздновать это событие вместе со всеми...

Смейся, ну же, смейся! Лу Вэньхао заставил себя растянуть губы в яркой улыбке, позволяя огню противоречий внутри сжигать душу, не выдав при этом ни единого признака истинных чувств.

— Вэньхао, лишние слова ни к чему. Я хочу, чтобы ты понял две вещи: во-первых, верь в мое летное мастерство, а во-вторых, я люблю тебя и хочу быть с тобой вечно, каждое утро и каждый вечер. Впрочем, ты всегда понимал эти вещи лучше меня.

Сун Шаоянь был человеком проницательным, к тому же Лу Вэньхао всегда был плохим актером — как он мог не догадаться, что у того на душе?

Лу Вэньхао тоже понимал его. Такое решение не могло быть импульсивным — это был тщательно взвешенный шаг. Трагедия в бомбоубежище стала последней каплей, нанеся им слишком сильный удар; он больше не мог жить как раньше, пуская все на самотек.

Кто, как не они — потомки Янь-ди и Хуан-ди? Когда враг, не знающий жалости, калечит твою страну, как можно не любить ее и не пытаться спасти?

Ах, эта проклятая война.

Сун Шаоянь забрал у него арбуз:

— Ты ведь мне его хотел дать?

— Ты еще можешь есть? — Лу Вэньхао чувствовал, что еда потеряла всякий вкус.

— Конечно, я могу есть, когда рядом ты.

Поразительно: в такое смутное время, когда даже человеческая жизнь стала чем-то незначительным, между двумя мужчинами тихо расцвела настоящая любовь.

— После того как я уеду, не вздумай переезжать обратно в Лисы, слышишь?

— Ты уезжаешь? Как вообще проходит эта помощь, разве Чунцин — не ваш штаб? — переспросил Лу Вэньхао, уходя от прямого ответа.

Сун Шаоянь беспомощно усмехнулся:

— Примерно в сентябре в Янгон прибудет сотня самолетов, и мы будем проходить подготовку в Мьичине.

Лу Вэньхао приоткрыл рот, но не смог издать ни звука. Лишь сейчас он осознал, что помимо тревоги за безопасность этого человека, теперь его ждет еще и бесконечное расстояние.

— Почему так далеко? — это ведь путь в тысячи миль по облакам и лунному свету.

— Соединенные Штаты пока не хотят открыто рвать отношения с Японией, поэтому согласились предоставить лишь сотню старых Р-40, ну, то есть, сравнительно новых. С таким количеством мы можем только обороняться, об активном наступлении не может быть и речи. Ты ведь слышал, что обстановка в Бирме накаляется, поэтому наша главная задача — защитить Бирманскую дорогу, единственный путь снабжения. К тому же, Китайская авиастроительная компания все еще находится в Жуйли, там удобнее обслуживать самолеты.

Лу Вэньхао лишь ответил:

— Там влажно и жарко, полно насекомых и ядовитых змей, говорят, есть даже миазмы. Не забудь взять побольше флаконов с маслом Байхуа.

Ой, Сун Шаоянь ведь еще не уехал, а он уже раскис, как какая-то брошенная жена, — где же его офицерская выправка? Нельзя так продолжать, и он поспешно замолчал.

— Вэньхао, глядя на тебя, я почти готов пожалеть о своем решении. Что же делать? — Сун Шаоянь не удержался и обнял его.

— Тогда я стану виновником всех бед, — мягко ответил Лу Вэньхао.

Жизнь состоит не только из встреч, но и из разлук. Эту истину способны понять лишь те, кто действительно умеет чувствовать.

Они стояли в объятиях, храня молчание. Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, знаменуя конец еще одного дня. Время летело как стрела, дней оставалось все меньше.

Лу Вэньхао внезапно вспомнил строки Ли Шанъяня: О дне возвращения спросил, но ответа не знаю. В Башане льет дождь, в осень пруд полон влаги... Когда мы вдвоем, при свечах у окна, снова встретимся? И я расскажу, как в Башане лил дождь.

Когда? Когда же?

— Шаоянь, — решился он, — я так и не понял, я тебе нравлюсь? Но что именно тебе во мне нравится? Я ведь не похож на женщину, да и ростом выше...

— Я тоже не похож на женщину и выше тебя, разве ты не испытываешь ко мне чувств? — Сун Шаоянь ответил так, словно вопрос был до смешного прост.

— Эй, ты должен четко понимать: я не такой, как ты. К другим мужчинам у меня никогда не возникало подобных чувств, в университете моим идеалом была Жуань Линьюй.

— Тем лучше. Главное, что для меня ты — единственный и особенный.

Лу Вэньхао замолчал. Он прижался головой к груди Сун Шаояня, вдыхая смешанный аромат мыла, табака и пота — запах мужской силы, совсем не похожий на утонченные женские духи. Но ему этот запах нравился.

Он верил, что и от него исходит такой же аромат. Интересно, чувствует ли Сун Шаоянь то же самое, считает ли он этот запах приятным?

— Давай сделаем это, — предложил он, выпрямившись.

— Сделаем? — Сун Шаоянь не сразу понял, о чем речь.

— Неужели раньше с господином Су вы только слушали оперу и пили вино? — в сердцах бросил он.

Сун Шаоянь сменил удивление на радость:

— Вэньхао, это будет больно.

Он жаждал инициативы Лу Вэньхао, но решил сразу расставить точки над *i*, чтобы без крайней необходимости не принуждать любимого.

— Я знаю, — небрежно ответил Лу Вэньхао. — Так что буду осторожен.

Будет осторожен? Сун Шаоянь понял, что этот вопрос требует прояснения.

— Вэньхао... — он с недоверием переспросил: — Ты же не... не хочешь, чтобы я был «тем самым»? — он слегка пошевелил мизинцем.

Настала очередь Лу Вэньхао удивляться:

— Ты... хочешь быть «тем самым»? — он поднял большой палец.

— Я всегда был таким!

— Ни за что, я не буду тем, кого имеют! — Лу Вэньхао не сдержал грубого ругательства, и что было самым нелепым — он произнес это с таким серьезным, сосредоточенным выражением лица, будто обсуждал, какой полк отправить в тыл врага для обходного маневра.

Лицо Сун Шаояня расплылось в хищной усмешке:

— Это уж как получится!

Он ждал этого дня целую вечность. Это стройное, пусть и худощавое, но покрытое упругими мышцами тело, этот обычно простой, но под его дразнилками покрывающийся румянцем взгляд... Все это много раз являлось ему во сне. Если бы не любовь и бережное отношение, он бы давно взял свое силой. Раз уж любовник сам предложил, как можно упустить такую возможность?

Раз никто не хочет быть «снизу», придется решить это силой.

— Эй, ты чего делаешь?

— Конечно же, идем в постель, там удобнее.

— А что означают твои руки у меня на талии?!

— Если возбуждение будет только у меня, разве это не будет несправедливо?

— Еще раз так сделаешь, получишь по лицу!

— Мне тебя жалко бить, а тебе разве не жалко меня?.. Если я пострадаю, на одного искусного пилота станет меньше.

— ...Негодяй!

— В любом случае, я буду очень осторожен...

В тот вечер в особняке Сунов творилось черт знает что — шум, гам и такая суматоха, что любая мировая война показалась бы скучной.

Однажды зимой Лу Вэньхао проходил мимо третьего корпуса Канчжуан, откуда доносилась нежная и сладкая песня.

Неизвестный певец с бесконечной тоской выводил: Мое сердце, полное тревоги, я вверяю тому, кто уплыл вдаль...

Ох, уплыл вдаль. Лу Вэньхао невольно посмотрел в небо, хотя знал, что ничего там не увидит.

Незаметно пролетело полгода с тех пор, как Сун Шаоянь покинул Чунцин, а он так и не смог к этому привыкнуть. Казалось, что без этого едкого на язык мужчины рядом чего-то не хватает. Да и этот трехэтажный дом был слишком велик для одного... Похоже, он и правда стал мазохистом.

— Старший брат Лу, на что вы смотрите? — неизвестно откуда появилась маленькая Сянь Цзикан.

Лу Вэньхао улыбнулся ей, пряча руки в карманы:

— Смотрю, не летят ли самолеты.

— Самолеты? — лицо Цзикан стало мертвенно-бледным. — Скорее, давайте спрячемся!

Становилось понятно, насколько ужасными были японские авианалеты, если даже дети при одном упоминании самолетов начинали дрожать от страха.

— Девятая госпожа, я имел в виду самолеты наших, которые помогут нам прогнать японцев, — с улыбкой пояснил он.

В Куньмине Сун Шаоянь и его товарищи громили японцев, защищая покой мирных жителей, и это было делом огромной важности. Однако новости из Бирмы были неутешительными...

Сянь Цзикан вскоре убежала по своим делам, а Лу Вэньхао остался стоять перед домиком, скрестив руки на груди, позволяя себе вновь погрузиться в тоску и печаль.

Вдруг двое молодых людей вынесли из третьего корпуса разный багаж. Похоже, жильцы снова меняются.

Они обсуждали что-то на ходу:

— Здесь же неплохо, зачем переезжать?

— Потому что новое место еще лучше. Знаешь, как оно называется? Пещера Бессмертных! Ха-ха, жить в Пещере Бессмертных — это как жить в раю...

— Это ты там будешь счастлив, чему радуешься?

...Пещера Бессмертных? Лу Вэньхао даже позавидовал.

Он бывал там — место было прекрасно, как сказка. Особенно в это время года, когда сотни кустов зимней сливы распускались одновременно, создавая картину: Лепестки цветов словно прилипли к нефриту, в руках таится аромат ветра.

Однако даже самый красивый пейзаж можно оценить лишь тогда, когда любишь его вдвоем. Одному же — останется лишь одиночество до самой смерти.

Тоска и одиночество вновь нахлынули на него.

Он невольно вспомнил, как вчера в кабинете, умирая от скуки, слушал Расставание с наложницей.

Воины царства Чу пели под знаменами Лю Бана: Поля заброшены, почему бы не вернуться домой? Тысячи миль похода, ради кого?..

Ради кого... Лу Вэньхао прекрасно знал ради кого.

Ради мечты о том, чтобы больше никогда не было разлук, а семьи всегда жили в мире и единстве. В годы войны только вера в мечту позволяла хранить надежду посреди бесконечного отчаяния.

Но разум и чувства — разные вещи. Как ни убеждай себя, некоторые привязанности не так-то просто отбросить.

Вдалеке показался человек. Его легкая, изящная походка показалась Лу Вэньхао до боли знакомой — он был на семьдесят-восемьдесят процентов похож на Сун Шаояня.

Лу Вэньхао, если так пойдет дальше, ты будешь видеть в каждой собаке Сун Шаояня,

усмехнулся он про себя.

— Вэньхао. — Человек подошел ближе, снял фуражку, стряхнул дорожную пыль и тихо позвал его по имени.

Это и правда был Сун Шаоянь!

Лу Вэньхао лишь моргнул, не в силах пошевелиться.

— Эй, ты что, забыл меня? — Сун Шаоянь, не дождавшись ожидаемого приема, выглядел разочарованным.

Между ними все еще оставалось расстояние, и лишь куст нандины, дрожащий на зимнем ветру, словно из ревности, не давал им подойти ближе.

— Шаоянь... — наконец выдохнул Лу Вэньхао.

В следующее мгновение они уже втоптали куст нандины в землю и крепко обнялись.

От Сун Шаояня пахло бензином и солнцем.

Лу Вэньхао не помнил, как они добрались домой, знал лишь одно: очнувшись, он все еще прижимался лицом к его плечу, а его руки не размыкались, обнимая плечи и спину Сун Шаояня.

— Тебе нечего сказать, чтобы вознаградить меня? — спросил Сун Шаоянь.

Лу Вэньхао молчал, не поднимая головы, лишь тяжело вздохнул. Слишком много тоски, слишком много тревог — как он мог выразить это словами?

— Я приехал обсудить с правительством вопрос открытия транспортных маршрутов, у меня есть пара дней. Детали не так важны, увидеть тебя — важнее всего, — прошептал Сун Шаоянь.

— Это... безответственно с твоей стороны, — Лу Вэньхао был так счастлив, что готов был заплакать, но язык его по-прежнему отказывался признавать это.

Однако Сун Шаоянь лишь усмехнулся:

— Потому что я не хочу быть безответственным по отношению к тебе.

— Ты загорел и похудел, — они наконец отстранились, и Лу Вэньхао принялся внимательно его рассматривать.

Сун Шаоянь протянул руку и коснулся его щеки:

— Загорел — значит, стал здоровее, похудел — значит, крепче. А вот ты... Откуда взялись эти острые скулы?

Нужно ли спрашивать? Конечно, это результат того, что одежда становится свободной, но он не жалеет о своей тоске.

Лу Вэньхао с жадностью рассматривал Сун Шаояня в серо-зеленой военной форме. Честно говоря, одежда была не самой чистой, но сидела идеально, а черные сапоги и ремень очень шли ему, подчеркивая его мужественность и стать.

Его волосы были взлохмачены, на подбородке пробивалась щетина — до неряшливости оставался один шаг, но именно это делало его невероятно привлекательным. Через расстегнутый воротник серой рубашки проглядывали холодные, четкие очертания ключиц, безмолвно соблазняя кого-то.

Так и хотелось повалить его прямо здесь и... Хотя он знал, что Сун Шаоянь не дастся, он невольно сглотнул, чувствуя, как внутри разливается жар.

Лу Вэньхао, Лу Вэньхао, середь бела дня, при ясном небе... Похоже, ты окончательно превратился в похотливого сластолюбца. Мысленно отругал он себя.

Впрочем, какой мужчина не потеряет голову, если давно ушедший любимый человек сидит прямо перед ним?

На самом деле, Сун Шаоянь был еще более нетерпелив.

— Поднимемся наверх? — не успели они толком поговорить, как он, глядя на Лу Вэньхао глазами, полными желания, выдвинул свое требование.

— М-м, — Лу Вэньхао не стал отказывать — весенняя ночь коротка. К тому же он сам уже почти забыл, каково это — чувствовать себя единым целым с другим человеком.

Ночь была прохладной, ветер шелестел листвой, и вскоре наступил вечер, когда птицы возвращаются в свои гнезда. Луна стыдливо пряталась за темно-синими облаками, словно не желая подглядывать за тем, что происходило в комнате...

Этот бесстыжий язык — просто чудо!

Он и сам не осознавал, что, стоило ему оказаться рядом с Сун Шаоянем, кокетство становилось естественным состоянием. Они шли по улице, где в густом тумане то и дело раздавались крики газетчиков:

— Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Япония бомбила Перл-Харбор, Америка и Япония вступают в войну!

— Свежие новости! Президент США Рузвельт объявил войну Японии!

Тихоокеанская война наконец-то вспыхнула, и остановить ее было уже невозможно.

Лу Вэньхао остолбенел:

— Это... это когда случилось?

Сун Шаоянь ответил безразлично:

— Вчера утром, кажется. Хотя объявление войны от Рузвельта, наверное, было вечером. Разве я забыл тебе сказать?

Он намеренно сделал вид, что ни при чем, отчего Лу Вэньхао задохнулся от возмущения, но ничего поделать не мог.

— Катись отсюда, — искренне и с силой толкнул он Сун Шаояня. — Катись к своей эскадрилье, а то только нервы мне портишь.

Сун Шаоянь взял его за руку и серьезно произнес:

— Мы должны радоваться. С поддержкой Америки мощь китайских ВВС возрастет, и изгнать японских захватчиков — лишь вопрос времени.

Это было верно. К тому же их требование было таким малым: они хотели лишь, чтобы агрессоры «вернулись обратно».

Они сели на автобус до центра города. Там, в центре площади Дуюцзе, уже заложили фундамент памятника, о котором когда-то говорил Сун Шаоянь.

После завершения строительства этот монумент, пока что называемый «Бастионом Духа», должен был достигать семи чжанов и семи чи в высоту, напоминая о событии «седьмого числа седьмого месяца», с вершиной в виде башни и пятью ярусами основания. Они долго стояли на площади, позволяя холодному ветру раскрасить лица в ярко-красный цвет.

<http://bllate.org/book/21143/2144173>